

Земля и камень *

Пред нами худощавый девятнадцатилетний парень, желтоволосый и скромный, с веселыми глазами. Он приехал из Рязанской губернии в «Питер» недели две тому назад, прямо с вокзала отправился к Блоку, – думал к Сергею Городецкому, да потерял адрес.

В Питере ему все были незнакомы, только что раньше «стишки посылал». Теперь сам их привез, сколько было, и принялся раздавать «просящим», а просящих оказалось порядочно, потому что наши утонченно-утомленные литераторы знают, где раки зимуют, поняли, что новый рязанский поэт – действительно поэт, а у многих есть даже особенное влечение к стилю подлинной «земляной» поэзии. Девятнадцатилетний С. Есенин заставляет вспомнить Н. Клюева, тоже молодого поэта «из народа», тоже очень талантливого, хотя стихи их разны. Есенин весь – веселее, у него тон голоса другой, и сблизает их разве только вот что: оба находят свои, свежие, первые и верные слова для передачи того, что видят. В стихах Есенина пленяет какая-то «сказанность» слов, слитость звука и значения, которая дает ощущение простоты. Если мы больше и чаще *смотрим* на слова (в книгах), чем *слышим* их звуки, – мастерство стиха приходит после долгой работы; трудно освободиться от «лишних» слов. Тут же мастерство как будто данное: никаких лишних слов нет, а просто есть те, которые есть, точные, друг друга определяющие. Важен, конечно, талант; но я сейчас не говорю о личном таланте; замечательно, что при таком отсутствии прямой, непосредственной связи с литературой, при такой разностильности, Есенин – настоящий *современный* поэт. Он, сам того не подозревая, – уже «описатель», он, прежде всего, «видит», и это – не его личное свойство, а общее свойство современных словесников-поэтов, как у Фета и Кольцова было общее свойство сначала «чувствовать», а не видеть.

Впрочем это требует долгих доказательств, сложных определений и параллелей. И нет у нас еще развившихся современных народных талантов. Есенин так молод, а время так быстро, что он может еще завянуть на корню. Пока невиданный Питер не слишком удивил и пленил его. Любопытно; однако не очень. Пошел и на «поззо-концерт». «Что ж, понравились футуристы?» – «Нет; стихи есть хо-ро-шие, а только что ж все кобениться». И люди в Питере, говорит, – ничего, хорошие, да какие-то «не соленые».

Рядом с Есениным, – за тем же столом, сидел пред нами другой юный поэт, не «земляной», – «каменный». Современники, – они все-таки немножко не понимали друг друга. Есенин не знает «языков», а потому ему невдомек, что значит «манто», «ландолэ», «грезо-фарс» и т. д., а коллега не понимает ни «дежки», ни «купыря», и скорее до «экарлатной» зари додумается, чем до «маковой». Но оба хотят богатства слов. И оба имеют. Только у «каменного» поэта своего нехватка, и приходится в чужих странах прикупать, а поэт «земляной» приехал с собственным русским богатством из Рязанской губернии, и лишний раз стало ясно, как обильна земля наша; всего у нас вдоволь, а если кому не хватает, если в каменных столицах все, вплоть до слов, – покупное, так это потому, что мы с нашими богатствами сладить не умеем. Где густо, а где пусто.

Роман Аренский.